

СИРТАКИ

Евгению Голубовскому,
строгому критику и доброму наставнику,
благодаря которому появилась эта повесть.

*Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?*
Борис Пастернак

Каждый волен выбрать время, в котором хотелось бы жить, но если тебе нравится нарушать запреты, то лучшей эпохи, чем средневековье, не найти. Лично мне запретное по душе, как и женщине, пообещавшей провести сегодняшнюю ночь вместе со мной. С каждым часом, приближающим нас к Новому году, инквизиторское рвение стражей порядка ослабевает, что должно сделать визит незамеченным. Моросит дождь, в эту пору года особенно неприятный, и мне не трудно представить, как легкая фигура, закутанная в теплый плащ, пробирается к моему дому сквозь лабиринт едва освещенных улиц. Скрытое капюшоном лицо вряд ли можно опознать, и все же сердце молодой женщины бьется учащенно. Она встревожена, но полна решимости: нынешний вечер значит для нее больше, чем для меня.

Легко догадаться, что я человек, не имеющий ничего святого за душой, по крайней мере, ничто не мешает так думать мне самому. Как не стать циником в наше безрадостное время, если сохраняешь хотя бы крупицу здравого смысла?

Осторожный стук в дверь. Распахнув ее, вглядываюсь в прямоугольник затемненного пространства, в котором, как на аспидной доске, прорисовывается аморфное

пятно. Оно напоминает кляксу, замаравшую сомнительный шедевр Малевича, но в ней угадывается женский силуэт. Серое на черном — так выглядит та, кто заставит меня испытать очередное разочарование. Нет, не в женщинах; а в жизни, теряющей какую-либо осмысленность. Чем острее зрение, тем больше замечаешь сора, а чем изощренней мышление, тем чаще раздражает окружающая глупость. Незнакомка — буду называть ее так, хотя мы знаем друг друга не первый день! — проходит в неудобное помещение, озаренное пламенем открытого очага и единственной зажженной свечи из пяти, что закреплены в массивном подсвечнике. Впрочем, избыток света был бы сейчас только помехой. Женщина не снимает плащ и даже не откидывает капюшон, ей нужно время, чтобы смириться с ролью, на которую она сумела себя уговорить. От влаги ворсистая ткань накидки потемнела на плечах, и я аккуратно тяну ее на себя. Незнакомка не сопротивляется, но и не помогает мне. На ней простое платье, такое же бесформенное, как и плащ. Она не подвела глаза, не накрasila губы, подчеркивая равнодушие, но я догадываюсь, что творится сейчас в ее душе.

Бутылка мальвазии на дощатом столе соседствует с подсвечником, ближе к краю — серебряный кубок и стеклянный бокал. Ничего другого не нашлось, с посудой у меня не очень. В железной лохани нарезанная кубиками свинина томится в собственном соку. Нанизываю куски мяса на лезвие рапиры и, усевшись на скамью возле очага, вращаю клинок над пламенем. Незнакомка садится рядом и замороженно рассматривает пляшущие языки огня. Передав ей рапиру, возвращаюсь к столу и разливаю вино. В мерцающем свете свечи оно кажется черным. Такой же черной выглядела бы моя кровь, вздумай женщина, держащая в руках стальное лезвие, проткнуть им мою грудь. Не исключено, что это было бы для нее наилучшим решением.

Забрав рапиру, ощущаю тепло, растекающееся по металлу. Пока терпеть можно. Тем более что в другой руке кубок с кровью того, кто, если верить церковникам, принял мученическую смерть за грехи человечества. Возможно, позднее он пожалел о том, что совершил, мы этого никогда не узнаем. Но терпкость мальвазии примиряет как со смертью, так и с жизнью, и даже с женщиной, сторбившейся на краю скамьи. Она и раньше представлялась мне особенной, а сейчас, обреченно прихлебывающая вино, выглядит пугающе красивой. Не портит ее даже изогнутый, как сабля, нос, выдающий семитское происхождение. Есть в моей гостье что-то от ведьмы, опасливо принюхивающейся к запаху костра, для нее же и разожженного.

Кто не знает, как коварны ведьмы? По крайней мере, от этой опасности истекает столько, что хватило бы на десяток таких умников, как я.

Свинина еще не прожарилась, а рукоять рапиры раскалилась так, что уже не удержать. Приходится намотать на руку шарф, что вызывает у незнакомки ироническую улыбку. Ради бога, улыбайся, деваться друг от друга нам некуда! Четыре стены вокруг — замкнутое пространство, из которого нет достойного выхода. И незнакомка понимает это столь же хорошо, как и я.

Наконец мясо готово. Обжигая руку, снимаю поджаренные кубики с лезвия в глиняную тарелку, искоса поглядывая на незнакомку. Она замерла в той же позе, не проявляя ни малейшего желания приступить к трапезе. Нет ли в этом нарушения ритуала, обязательно в таких случаях? Усевшись за стол, демонстративно жду, и гостья пусть и неохотно, но занимает кресло рядом со мной. Свинина, пересохшая на открытом пламени, оказывается жестковатой. Незнакомка задумчиво откусывает маленькие кусочки, показывая хорошие манеры. Приятно смотреть, как деликатно она ест и как затем изящно вытирает руки лоскутом холщовой ткани, специально мною приготовленным. Наверное, не

таким скудным должен выглядеть праздничный ужин, но добыть приличный кусок свинины в последний день года совсем не просто. Незнакомка, будучи дамой воспитанной, признаков неудовольствия не выказывает, зная, что ее приз мирно покоится в сундуке, запертом до утра — времени окончательного расчета.

Нравится ли она мне? Да, но не настолько, чтобы потерять из-за нее голову. Наше знакомство можно назвать шапочным: до того, как этой осенью она стала вдовой, мы встречались несколько раз.

Среди моих друзей много евреев, они нас и познакомили. Случилось это еще до трагедии, унесшей жизнь ее мужа и десятка других людей в придачу, и меня тогда поразила неумность молодой женщины, заставлявшей весь мир вращаться вокруг нее.

В свои двадцать два года она была уже человеком известным. Кипучая энергия делала ее заметной фигурой в Еврейском квартале, а значит, и во всем городе. Основанный ею театр разительно отличался от других: в ходе представления нельзя увидеть ни сцены, ни актеров, потому что зрителям завязывают глаза. Сам я на ее спектаклях не был, но отзывы слышал хорошие. Сейчас рядом со мной сидела лишь бледная тень той женщины. И она должна была мне отдаться, так уж легли карты.

Но тени не вызывают желания. Незнакомка по-прежнему отрешенно смотрела на огонь, что вызывало раздражение. Бокал ее был пуст, и я вновь наполнил его мальвазией. Но она сделала глоток, не больше. Казалось, мою гостью бьет озноб, и я не утерпел — дотронулся до ее руки. Она была ледяной. Свидетельствовало ли это о том, что наше общение — тот же театр абсурда, в котором зрители не только ничего не видят, но и ничего не слышат? Во всяком случае, пока мы не сказали друг другу ни слова. Может, они нам вообще не понадобятся? Моя собственная настойчивость, вынудившая знакомку согласиться на сомнительную